

Ю. Н. Солонин¹

КУЛЬТУРА В ПЕРСПЕКТИВЕ ИЗМЕНЕНИЙ

Культура является предметом чрезвычайно обширного дискурса. В него вовлечены почти все сегменты интеллектуального мира нашего общества. Но приходится констатировать, что интенсивность презентации проблем не согласуется со степенью приобретаемого понимания. Парадокса в этой констатации нет. Широта полемики порождена стихийно формирующимся осознанием, что в теме культуры сосредоточен узел существеннейших проблем современности. И этому стихийному, массово растущему интересу сопутствует прежде всего процесс фиксации все новых явлений культурной жизни и ее динамики, расширения фактографической сферы. Ее рационализация научными средствами происходит куда медленнее и осуществляется в значительно более узкой среде профессионалов. Наличие этих двух сфер и уровней освоения проблем культуры — важный аспект развития культурологической мысли.

Если в сфере естествознания и технических проблем, где тоже можно установить наличие подобных сфер, влияние обыденных представлений на научную мысль минимально в силу самой специфики

предмета этих наук и способов его постижения, то в области гуманитарного знания дело обстоит иначе, опять-таки в силу своеобразия его предмета². Обратим внимание хотя бы на один аспект. Технологический прогресс стал доминантой, определяющей социокультурную динамику общества. Но в отношении этих двух динамик сказывается принципиальное противоречие. Первый обладает возрастающей агрессивностью, проникающей в самые сокровенные биопсихофизиологические и когнитивные структуры человека. Под его воздействием возрастает быстрота смены предметной организации быта, досуга, видов труда, форм жизнедеятельности вообще. Принципиально иначе в этой деятельности представлены телесная, душевная и интеллектуальная организации человека, запросы к их энергетическим ресурсам.

Социокультурная динамика, как бы она ни ускорялась, что является несомненностью, однако имеет существенно иную ритмику. В коллизиях этого противоречия жертвой выступает то, что принято считать традиционными, незыблемыми формами культурного освоения мира. В первую очередь те формы, которые связаны рефлексивностью, созерцательностью, ретроспективностью, включенностью традиции в реальный контекст жизни человека. Изменилось представление о том, что есть прошлое, но вместе с этим оценка его и отношение к нему. Оно стало прерогативой и характеристикой традиционной культурности, отвергаемой модерном. Если обычно

¹ Председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке, член Комиссии Совета Федерации по культуре, член Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Наука как предмет философского анализа», «Философия культуры», «Какая философия нам нужна?», «Предмет философии и обоснование науки», «Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры» и др. Член редколлегии научных журналов: «Философские науки», «Личность. Культура. Общество», «Сократ» и др. Председатель Санкт-Петербургского философского общества, вице-президент Российского философского общества.

² Степень отгороженности естествознания от влияния обыденных, профанных, дилетантских представлений не следует преувеличивать. Именно в давлении последних на науку следует видеть отчасти причину возрождения креационизма, паранаучных теорий, интереса к эзотерике, проникших в традиционную научную среду.

прошлое представлялось в ретроспективе больших временных длительностей, то теперь оно определяется метрикой куда меньших величин. Но такое изменение оценки прошлого изменило отношение и к пониманию, что есть настоящее: длительность современности, актуальности сократилась. В обычном смысле *настоящее* определялось временем стабильности быта, формирующих его вещей, условиями труда, устойчивостью коллективностей и ценностных определителей жизненных факторов, контролируемой психической структурой человека социокультурной динамикой. Человек успевал приспособиться к ней, сохраняя чувство психологического комфорта.

Прогнозирование и описание следствий несогласованности динамик различных сфер социальной жизни делалось давно как философами, так и культурологами. Но этим никак не создавались предпосылки «снятия» травмирующих эффектов этой несогласованности. Это обстоятельство рождает обычные сетования на невостребованность гуманитарного, в частности культурологического, знания правящими (не только в политическом смысле) элитами современного общества.

Подобного рода претензии часто основываются на иллюзии, что все дело — в недостатке у них «понимания», воли и упорства в проведении надлежащей культурной политики, наконец, в том, что пополни-

ние элит происходит не из надлежащих социальных резервуаров. Действительная проблема имеет свои основания совершенно в другом месте. Современные правящие элиты, лидирующие группы вполне адекватны той социокультурной модели, которая складывается с неустранимой неизбежностью. Для нее характерны не устойчивость форм, а их динамическая мультиплицированность, основанная на внутренней готовности к модификации, изменению и смене. Устойчивости культурных форм отвечала (и обеспечивала ее) устойчивость ценностной структуры данной культуры. Ценности сопротивляются изменению, в котором не усматривается целеполагаемый смысл. Энергия современной техногенной цивилизации этого не предусматривает либо редуцирует его до уровня четко определяемой прагматики.

В связи с этим наблюдается любопытный парадокс: быстрое изменение рождает потребность в предвидении, прогнозе. Перед нами вычерчивают сценарии различных перспектив, состояний, количественных показателей. Но все они смываются волнами непредвиденных эффектов в социальных порядках жизни. Прогнозы перестают ориентировать, сфера непредсказуемого расширяется, культура как условие стабильности меняет свое состояние и онтологические основания. Человек выскальзывает из форм традиционной культуры, подчиняя себя непредсказуемому процессу.